

• *Суд сердца* •

О ТОМ, КАК ТРУДНО РЕШАТЬ
ЧУЖУЮ СУДЬБУ, КОГДА НЕ МОЖЕШЬ
РАЗОБРАТЬСЯ В СОБСТВЕННОЙ,
ЧИТАЙТЕ В ЦИКЛЕ РОМАНОВ

МАРИИ ВОРОНОВОЙ

Женский приговор
Погружение в отражение
Идеальная жена
Сама виновата
Когда убьют – тогда и приходите
Жертва первой ошибки
Второй ошибки не будет
Из хорошей семьи
Кадры решают все
Без подводных камней
Угол атаки
Вечный шах
Прибавление семейства

МАРИЯ
ВОРОНОВА

ПРИБАВЛЕНИЕ
СЕМЕЙСТВА

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Иллюстрация на переплете *Алексея Вайнера*

Дизайн обложки *Алексея Дурасова*

Издание осуществлено при содействии
Натана Яковлевича Заблоцкиса

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Воронова, Мария Владимировна.

В75 Прибавление семейства / Мария Воронова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-188964-7

Прошло пять лет с тех пор, как исчезла жена партийного руководителя, и по закону можно официально признать ее умершей. Ни тела, ни следов женщины милиция не обнаружила. Яростный коммунист Илья Чернов в тюрьму не сел... И спустя пять лет явился в суд к Ирине Поляковой за официальным подтверждением смерти супруги. Она должна отыскать доказательства того, что жену он все-таки убил. А как это сделать, если преступник умен, коварен и чертовски обаятелен?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188964-7

© М.В. Виноградова, текст, 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Ленинград растворялся в чайном мраке ноября, а Ирина готовилась к декрету. Оставалось доработать две недели, и дальновидный председатель суда перевел ее на мелкую рутину, назидательно заметив, что руководитель обязан знать все аспекты судейской работы. Ирина не возражала, понимая, что погружаться в громкий и сложный процесс в ее положении глупо и безответственно. Мысленно она уже была дома, планировала дела, которые хорошо бы успеть сделать до родов, и на основе сугубо научных фактов пыталась угадать, кто появится на свет в этот раз, девочка или снова мальчик. Данные получались противоречивые: вроде бы красоту малыш у нее не забирал, но живот был скорее грушей, чем огурцом, так что поди узнай... Пока гарантировать можно только одно — какого пола ни окажется ребенок, он родится с густыми волосиками, потому что ее страшно мучает изжога.

Ирина встала и выпила чуть-чуть минералки. Совсем немного, чтобы не нарушать предписание врача. Отеков у нее не было, но доктор посоветовал ограничить жидкость, после чего Ирину немедленно начала мучить жажда. Так всегда, стоит что-то запретить, как сразу этого захочется, и не важно, что ты давно уже взрослый и рациональный человек.

Убрав бутылку подальше за штору, чтобы не маячила перед глазами и не соблазняла, Ирина с ненавистью взглянула на книжный шкаф. Надо вникать в тонкости гражданского законодательства, а мозгов на это уже нет. Беременность делает свое дело, в черепной коробке плещется кисель, который еще очень нескоро вернется в состояние мыслительного аппарата. А может, и вовсе не вернется. Пока роды, пока кормление...

Вернувшись в кресло, она сбросила туфли и потянулась, с удовольствием взглянув на свои по-прежнему изящные лодыжки и ступни без всяких признаков отека. Страшно об этом думать, чтобы не сглазить, но вдруг судьба в этот раз позволит ей доносить и родить без проблем? С Володей у нее была эклампсия, потом Кирилл после ликвидации Чернобыльской аварии перенес тяжелую пневмонию, так что их семья выполнила план по болезням на эту пятилетку. Только у судьбы не плановое хозяйство, а рыночная экономика, стихийная. Кому-то все, кому-то ничего...

Ирина энергично потрянула головой, выкидывая дурные мысли. Черт возьми, она судья и мать большого семейства, у нее столько забот, что нельзя тратить силы, беспокоясь о том, что только еще может произойти. А может и не произойти.

Все, две недели на постижение рутины и человеческих склок, а потом декрет и отпуск по уходу за ребенком. Целый год, наполненный только уютными домашними хлопотами и материнскими заботами, и никаких тебе сложных и ответственных решений, господи, какая красота! Ну а если почувствует ледяное дыхание подступающей деградации, то напишет Кириллу диплом, который ему давно пора защитить, да все как-то руки не доходят.

Ирина вздохнула. Муж и раньше не ставил высшее образование первым в списке своих приоритетов, а с началом перестройки вовсе забросил учебу, посвящая все силы кооперативу, который создал на пару с мастером цеха.

Цвет юности облетел, а вместе с ним и поэтические мечты и тяга к творчеству. «Зачем я, когда есть Витя Цой» — однажды горько заметил Кирилл, и с тех пор ходил в рок-клуб только тусоваться со старыми друзьями.

Летом, когда Кирилл был еще слаб после болезни и врачи настоятельно рекомендовали ему оставить горячий цех, мелькнул хороший шанс усадить его за парту, но теперь муж поправился, окреп, к тому же очень удачно вышел закон об индивидуальной трудовой деятельности, будь он неладен, и Кирилл мгновенно забыл обо всех своих духовных исканиях.

«Знаешь, Ирочка, я столько лет вопил о необходимости перемен, что теперь, когда они наступают, остаться в стороне будет просто непорядочно», — со смехом заявил он и с головой погрузился в предпринимательскую деятельность.

Ирина пока не понимала, как к этому относиться, радоваться или тревожиться. С одной стороны, вроде хорошо, когда человек не протирает штаны в каком-нибудь бессмысленном НИИ, а делает то, что приносит пользу людям и доставляет радость ему самому. Например, ремонтирует квартиры или шьет модную одежду. В самом деле, что плохого в том, что Кирилл со своим мастером в свободное от основной работы время создают высокохудожественные заборы и могильные оградки? Люди хотят украсить свой быт, достойно чтить память близких, а мастера — получать хорошие деньги за хорошую ра-

боту. Вполне благостная картинка, если не думать о том, что все это делается на территории завода и на оборудовании завода, и хочется, конечно, верить, что не из заводского сырья, но... Нет, бюстительнице закона не стоит развивать эту тему даже мысленно. У нас, конечно, общественная собственность на средства производства, но вряд ли даже сам Маркс трактовал это в том смысле, что заходи, дорогой товарищ, на любое предприятие, и твори там, что твоей душеньке угодно.

Хотя реальность сейчас так стремительно меняется... Еще пару лет назад даже в самом жутком похмельном кошмаре не мог бы привидеться нынешний журнал «Огонек», а теперь — пожалуйста. Брала оторопь от первых номеров, но человек ко всему привыкает, в том числе и к сенсационным разоблачениям. Ирина поежилась. Ширма из красных знамен и гипсовых бюстов пошатнулась, и по всему видно, что скоро упадет. Какая пропасть откроется за нею и чем заполнится, неизвестно, ясно только одно — дети ее будут жить не в том мире, к которому она привыкла, и играть им придется по другим правилам. Сможет ли она помочь, дать хороший совет? Вопрос риторический...

Вздохнув, Ирина переложила листы бумаги копиркой, стукнула по столу, подравнивая, и заправила в пишущую машинку, бодро занесла руки над клавиатурой... И уставилась в белую пустоту страницы, начисто забыв, что собиралась печатать.

Кофе бы попить, взбодриться, но из-за беременности нельзя. По утрам она с подачи Гортензии Андреевны пьет некую бурду, которую муж называет «тень кофе», состоящую из цикория и ячменя, и чай тоже ей заказан, спасибо папе Вити Зейды, который специально для нее

привез трехлитровую банку меда и по мешку шиповника и грецких орехов, сопроводив свои дары страстной речью про витамины и домашний продукт.

Речь сия проняла Кирилла до самых пяток, только почему-то сам он преспокойно пьет что хочет, благо в арсенале Витинога папы оказались и другие целебные жидкости, типа самогона, а Ирине с детьми приходится напиваться силой природы. Володе шиповник нравится, а Егор его терпеть не может, но не капризничает, видя, как мать геройски давится витаминами.

В животе медленно и сонно потянулся ребенок, и Ирина закрыла глаза, позволяя себе пережить момент абсолютного счастья. Все хорошо, и будет хорошо, а если нет, то у нее достанет сил справиться.

Всю жизнь она тревожилась о том, что не сумеет, не достигнет, не оправдает надежд. Ее представление о себе и о мире точнее всего можно было охарактеризовать поговоркой «слон в посудной лавке». Неловкая и неуклюжая Ира в тесной, хрупкой и громоздкой реальности, готовой разлететься вдребезги от любого ее неосторожного движения.

А как забеременела в этот раз, будто занозу из сердца вынули. Постоянная тревога исчезла куда-то, и самое забавное, что именно тогда, когда для нее появились весомые поводы. Пневмония Кирилла, ее беременность, в стране перемены, которые черт знает куда приведут... Прежняя Ирина уже на пену бы изошла, а нынешняя в ус не дует.

Так все-таки что она хотела печатать?

Ирина потянулась к блокноту, но тут дверь кабинета открылась.

— Не помешаю? — Павел Михайлович стоял на пороге, загадочно улыбаясь.

Она по-ученически поднялась.

— Сидите, сидите, Ирина Андреевна!

Войдя, председатель плотно затворил дверь и, несколько поправ приличия, бочком сел на край стола, будто на дамский манер вскочил на лошадь. Подумав так, Ирина невольно улыбнулась.

— Что, рады меня видеть, дорогая Ирина Андреевна? А я вам дело приготовил, ясное, как майский денек.

Ирина усмехнулась. С этой фразы в ее жизни никогда не начиналось ничего хорошего, а только одна сплошная нервотрепка.

— За это вы меня точно не упрекнете, — продолжал Павел Михайлович, правильно истолковав ее молчание, — совсем наоборот, благодаря этому процессу вы, Ирочка, поймете, что труд наш скорбный состоит не только в том, чтоб наказывать да склоки разбирать. Порой судья сподобится просто облегчить человеческое горе.

— Да?

— Да, Ирочка. Дело самое простое, я вам железно гарантирую, что голову над ним ломать не придется, но сугубо деликатное. Такое деликатное, что справитесь только вы, с вашим женским тактом.

— Боюсь подумать, какого свойства дело это может быть.

— Всего лишь надо признать умершим без вести отсутствующего. Сроки там давно выбраны, доказательства собраны... На полчаса работы.

Ирина зябко повела плечами:

— Там что, ребенок?

— Ну что вы, Ирочка! Я, конечно, человек скверный, но не до такой степени, чтобы поручать подобные дела женщине в интересном положении.

— А деликатность тогда зачем? Если сроки вышли, то горе родственников потеряло остроту, наверняка они человека уже десять раз мысленно похоронили. Кто там у них пропал, алкоголик или дементная бабушка?

— Не угадали. Вполне себе положительная женщина, супруга секретаря партийной организации нашего университета Чернова. Вы же у нас девушка молодая, наверняка застали его, будучи студенткой? И про исчезновение жены, думаю, не могли не знать.

Ирина еле нашла в себе силы произнести: «В общих чертах».

Павел Михайлович говорил, какой хороший человек Чернов, как много помогал другим хорошим людям, как мужественно переносит свалившееся на него несчастье, поэтому надо поберечь его психику на суде, а тем временем мир вокруг Ирины стремительно тускнел и терял краски.

Закрыв за председателем суда дверь, она подошла к окну, глотнула еще минералки и прижалась лбом к холодному стеклу. Господи, ну почему, как только ты почувствуешь себя счастливой и хорошей женщиной, жизнь немедленно дает тебе пощечину?

* * *

Олеся давно не хотела просыпаться по утрам, но сегодня ночью умереть во сне была особенно не против. Все что угодно, лишь бы не идти в суд.

Она и на работу ходила как на каторгу, но там унижение стало уже привычным, как в песенке «если вы утонете и ко дну прилипнете, то немножко полежите, а потом привыкнете».

А теперь ее решили выдернуть из ила, чтобы ударить о новое дно...

Самое грустное или самое смешное, как посмотреть, в том, что еще полгода назад достаточно было сказать: «Ой, нет, это для меня слишком сложно» — и никто бы ее ни в какой суд не потащил. Еще бы и прощения попросили, что потревожили, а теперь... Теперь те же люди, что прежде заискивали перед ней, отдают суровые приказы, и попробуй не подчинись.

Она пыталась отнекиваться, просила отправить в суд кого-нибудь другого, но завуч была непреклонна. «Это ваш гражданский долг, Олеся Михайловна», — отчеканила, будто с трибуны. Не надеясь уже на успех, Олеся промямлила, что ее нечем заменить и дети останутся без уроков ритмики, на что завуч разразилась своим фирменным смехом, звучавшим так, будто сотню консервных банок бросили в мусорный бак. «За это не беспокойтесь, — веско произнесла она, — ритмика предмет не обязательный. Настолько не обязательный, что я без проблем уберу ее из учебного плана и сокращу вашу ставку. Надеюсь, вы меня поняли, Олеся Михайловна!»

Когда-то в прежней жизни прежняя Олеся смеялась над подобными угрозами. Один звонок, и завуч раз и навсегда уяснила бы себе ключевое место ритмики в среднем образовании. Или наоборот, Олеся принесла бы в учительскую торт и пару бутылок шампанского, нежно простилась с любимым коллективом и наслажда-

лась бы всеми привилегиями человека, уволенного по сокращению.

Все изменилось в один день, как в сказке. В очень грустной и злой сказке.

За эти полгода Олеся привыкла к боли и к одиночеству. Научилась не обращать внимания на шепоток за спиной и убеждать себя, что случайно подслушанные слова «вот и наша барыня дерьма поест» сказаны не про нее и не с тонким расчетом, чтобы обязательно достичь ее ушей.

Перенесла сочувствие подруг, в котором была только радость, что это происходит не с ними, и то, что ни одна из них не сдержала пламенную клятву быть рядом и поддерживать, тоже приняла.

Даже предательство детей простила. Олеся так надеялась, что сын с дочкой объявят отцу бойкот, и угроза потерять детей заставит его остаться в семье, но не случилось.

Дети заняли не по годам мудрую позицию «мы любим и папу и маму независимо от того, вместе они или нет». Зачем только она их воспитала в такой широте взглядов...

Что ж, они оба взрослые, живут отдельно, могут себе позволить думать о своем душевном комфорте, а не о горькой доле матери.

Казалось ей, что за последние полгода все сорта дерьма она уже испробовала, но нет, жизнь, кажется, на этот счет неистощима. Припасла для нее новое блюдо.

За двадцать пять лет ей впервые придется, знакомясь с людьми, представляться не женой офицера, а разведенной учительницей. Господи, какой позор...

Жена офицера — это солидная, уважаемая роль, даже если тебе восемнадцать, а муж твой младший лейтенант. Мужчины тебе симпатизируют, что выбрала судьбу боевой подруги, женщины завидуют. Пусть у тебя за спиной только балетное училище и никаких перспектив из-за плохих природных данных, но раз ты замужем, то точно уже не пустое место. А когда муж стремительно растет в звании и должности, то ты разделяешь с ним уважение и почет, ибо, кто знает, добился бы он таких успехов без поддержки супруги.

К жене генерала прислушиваются, а к разведенке совсем другое отношение. И в суде ведь не получится обойти этот момент, нельзя будет на вопрос о семейном положении обтекаемо вздохнуть «ах, его больше нет» в надежде, что ее примут за вдову. Вдовой быть не стыдно, и вообще легче, ведь когда человек умирает, он оставляет тебе ваше общее прошлое, а когда уходит, забирает его с собой.

Только в суде на слово не верят, там придется показать паспорт с позорным штампом, и вообще карьера бывшего мужа, и так блестящая, с перестройкой рванула в небеса, как ракета, он часто мелькает по телевизору, недавно дал интервью «Огоньку». Для покойников такая прыть — большая редкость.

Ничего не поделаешь, придется сказать правду и получить в лицо ушат презрения. Кто это к нам тут явился с помойки жизни, ухмыльнутся про себя новые знакомые. Всем известно, что военные никогда не разводятся, и раз уж генерал Носов решил на такой отчаянный шаг, значит, жена у него запредельная дура, неряха и истеричка, с которой невозможно жить. Отсюда следует логичный вывод, что она недостойна заседать

в суде и выносить приговоры, раз не сумела сохранить семью, в итоге ее прогонят, и вернется ритмичка Олеся Михайловна в школу с очередным клеймом неполноценной женщины и человека.

Что ж, если нельзя быть, надо хотя бы выглядеть. Олеся открыла шкаф, осторожно придерживая левую створку. Муж все обещал прикрутить расшатавшееся крепление, но вместо этого ушел к другой.

Свободной рукой перебирая плечики с одеждой, Олеся вдруг сообразила, что теперь в гардеробе стало слишком много свободного места. Решительно сдвинув вешалки на одну сторону, она закрыла проблемную створку на маленькие задвижки вверху и внизу. Очень хорошо. Половины пространства ей хватит, зато можно не бояться получить дверь по голове.

Дурацкая привычка готовить одежду с вечера, но за двадцать пять лет крепко въелась, не искоренишь. Когда хочешь, чтобы муж и дети безупречно выглядели, нельзя собирать их в утренней спешке. Ведь форма, что военная, что школьная, требует тщательного отпаривания, чтобы о стрелки брюк порезаться можно, и дочкино платье должно быть без единой складочки. Проверить, что в наличии свежие сорочки со всеми пуговицами, чистые носки без дырок, колготки без спущенных петель, капроновые ленты намочены и намотаны на бутылку из-под вина, чтобы за ночь разгладились... Воротничок и манжеты на дочкинском форменном платье при необходимости свежие подшить, ну и запас чистого белья проверить на всякий случай. Минут сорок приходилось этому каждый вечер посвящать, зато было чем заняться. Другие мамы глаза закатывали, мол, балуешь дочку, что из нее вырастет, белоручка, неумеха, мы-то своих